

18+

*С любовью,
мама*

Людмила
Максимова

Людмила Максимова

С любовью, мама

«Издательские решения»

Максимова Л.

С любовью, мама / Л. Максимова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-985895-5

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Новая книга Людмилы Максимовой «С любовью, мама» содержит рассказы «Васька», «Соседи», «Покаяние», «Надоба», «Милочка», «Находка», «Нежадва», «А кто без греха?» и повесть «С любовью, мама».

ISBN 978-5-44-985895-5

© Максимова Л.
© Издательские решения

Содержание

Васька	6
Соседи	10
Покаяние	15
Надоба	18
Конец ознакомительного фрагмента.	24

С любовью, мама

Людмила Максимова

© Людмила Максимова, 2020

ISBN 978-5-4498-5895-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Васька

Мой племянник Васька – добряк и балагур, каких ещё поискать надо. И рубаха-парень. А поначалу, помнится, рос неулыбчивым дичком. Мычит да ыкает. Мы уж думали, никогда не заговорит. Седьмой год шёл парню, а он если к кому и обращался, то только «баба, ы» и изъяснялся исключительно жестами. Да и то в случае острой необходимости. Невестка моя Клавка сочла сына умственно неполноценным и отправила на жительство к нам в деревню.

– Ну и хорошо, что внучок немтырь, – говорила соседям моя мать. – Хош в армию не возьмут. Живее будя.

Цинковые гробы шли из Афганистана на Псковщину десятками. Да и не всем свезло в последний раз взглянуть на сыночков и схоронить в родной земле. Соседка наша тётя Тоня сколько жила, столько металась меж отчаяньем и надеждой, получив извещение о гибели двоих сынов. А тел не видала. И не одна она.

Мы Ваньку нашего, Васькиного отца, дождались. Приехал он в звании капитана, с почерневшим лицом и седой волосами. В свои-то неполные тридцать. Накрыли во дворе для всех желающих, как водится, стол. Огромный, ещё дедом нашим сколоченный, хранимый частями в сараюшке для особых случаев. Выпили за помин погибших, потом за здоровье живущих. Сидим, молчим. Только слышно жужжание мух. И вдруг – страшный удар в днище стола. Аж посуда запрыгала, рюмки наземь посыпались. И в полной тишине – голос, мужицкий, никому не знакомый:

– Во, бл... дь, больно.

Женщины от испуга креститься принялись. Мужики, как по команде, головы сунули под стол. А там наш Васька улыбается, потирая шишку на темечке:

– Еб..т твою мать, – добавляет внятно так, басовито.

Мой брат, не успев обрадоваться, что сын наконец заговорил, заорал:

– Сидеть, не двигаться! – и пополз к Ваське. – Плоскогубцы давайте, мать вашу!

Рядом с Васькиной головой торчал огромный ржавый гвоздь. Кто его знает, когда и как он там оказался? И какая сила отвела Ваську на миллиметр от смерти?

– Не х... ый ангел-хранитель пацану достался! – сказал, глубоко задумавшись, заведующий фермой Егор Кузьмич. И уважительно так добавил: – Работу свою знает.

С того дня заговорил наш парень на чистом русском языке и сразу сложными предложениями. Правда, выражаясь культурно, с обильным использованием ненормативной лексики. Так в нашей деревне все говорили. Ругательством это не считалось. Простые сельские, не утруждая себя подбором соответствующих литературных слов, в случае особо сильных эмоций обходились всего несколькими, нелитературными. Зато крепкими, ёмкими и всем понятными.

Через какое-то время брат в письме рассказал нам новую историю. И опять же не иначе как с участием ангела-хранителя. По прибытии на место очередного назначения предоставили семье Ивана пустующий после смерти старухи хозяйки ветхий домишко. Дня на два, до освобождения квартиры. Ваня с раннего утра ушёл на службу. Клавка побежала устраиваться на работу. Ваське наказала вести себя хорошо, из дома ни ногой. Парень уже взрослый, через месяц в школу пойдёт, утешила себя. Но для верности заперла на замок.

... Через пару часов вдруг вспыхнула кровля – замкнула старая электропроводка. Пожарная команда прибыла быстро. Под обвалившейся под потоками воды крышей Васьки не оказалось. Замок – на месте, окна заперты. Клавка уже выла и рыдала, когда вдруг из-под земли раздался голос. Мистически настроенные офицерские жёны и даже кое-кто из прибывших на расчистку пепелища новобранцев попадали в обморок. А очнувшись, увидели невредимого Ваську с огрызком яблока в руке. Оказывается, пацан, обследуя новое жилище, обнаружил прямо в центре комнатки подпол, плотно закрытый металлическим щитом. А в подполе –

несметное богатство. Там он и пребывал, уплетая варенье и яблоки, пока не почувствовал запах дыма и не услышал шум наверху. Самостоятельно выбраться не получалось, щит захлопнулся, сделался ужасно горячим и тяжёлым, вот Васька и позвал маму с папой.

И месяца не проходило, чтобы не получали мы новые свидетельства присутствия в Васькиной жизни охранительной силы. Однажды поспорил наш оболтус, что прыгнет с крыши четырёхэтажной казармы. Заметим, сталинской постройки. В лётчики надумал готовиться, шельмец. Вместо парашюта решил использовать Клавкин зонтик. Произвёл строгие математические расчёты, было ему уже лет четырнадцать. И сиганул. Но зонтик с законами Васькиной аэродинамики знаком не был, произведён был на советском заводе, судя по всему, в конце квартала, и сложился в обратную сторону в первое же мгновение полёта. Не собрать бы нашему парашютисту костей, но ровно в момент его приземления между булыжной мостовой и Васькиным безвольным телом возник грузовик с сеном.

Предстал победитель предо лбом проигравшего друга, готового к принятию ста щелбанов, и толпой восхищённых зрителей только к вечеру. Ибо пришлось прокатиться ему до самого совхоза, а потом возвращаться пешим ходом в военный городок. Зато – живым и невредимым.

В начале девяностых получил мой брат звание полковника и назначение в Забайкалье, начальником части. Клавка, желая соответствовать высокой должности мужа, гордо расхаживала в китайских тряпках под Versace. Но ни ожидаемого восторга, ни зависти ни у кого не вызывала. Там, как и у нас на Псковщине, в чести женщины в теле. А Клавка наша, хоть и хороший человек, но, как припечатала её моя мама, увидев в первый раз, «ни кожи, ни рожи, и жопа с кулачок». А Васька в неё пошёл. Хилый, отцу – чуть выше плеча. Мама про таких говаривала: «Соплём перешибёшь». Но девки его, кудрявого да синеглазого, любили.

Университет Васька так и не окончил. Затянули его компании весёлые. Пить начал. Помногу и подолгу. Ему, балагуру и душе компании, избежать этой участи не было никакой возможности.

И спился бы, как многие его ровесники, и сгинул бы. Но тут возникла Алевтина. Без ангела-хранителя, думаю, опять не обошлось. То ли призвал он её в помощницы, утомившись спасать своего подопечного, то ли заместницей своей назначил. Приехала Алевтина в далёкий Иркутск из наших мест проведать жениха своего, солдата Степана – богатыря, красавца, из одних только мускулов состоявшего. А вернулась с нашим «соплём перешибёшь» Васькой. Вот бывает же такое! Любовь у них случилась великая, умом непостижимая. Месяц из постели не вылезали. Васька даже забыл про водку. Но, обзаведясь вскоре новыми друзьями, вспомнил. Алевтине это не понравилось. И она решила действовать методом кнута и пряника. В качестве пряника предлагалось её сдобное сладкое тело, до которого Васька оказался охочим до дрожи во всех членах. А кнут был реальный, доставшийся ей вместе с мужицкой силой и добротным домом от деда-коннозаводчика. Через несколько месяцев Васька думать о водке забыл. И можно было бы на том закончить нашу историю словами «и жили они долго и счастливо», но случилось с моим племянником ещё одно удивительное происшествие, без которого портрет его будет неполным. И обошлось оно на этот раз без участия ангела-хранителя. Хотя кто ж его знает...

По случаю двадцатилетнего трудового стажа наградило руководство завода нашего Ваську бесплатной путёвкой в Тунис. Самим, видать, по несколько раз в год летать надоело.

– Спасибо, – сказал он, – в этой стране я, кажется, не был.

– А в каких странах вы были, уважаемый Василий Иванович? – поинтересовалось вежливо правление.

– Сами знаете, уважаемые, ни в каких.

– Но возможно, уважаемый, вы за свой счёт путешествовали.

– Моего счёта, уважаемые, хватает на путешествие до Пскова и не всегда обратно.

К сбору мужа в дальние края Алевтина отнеслась ответственно.

– Исключительно для лечебных целей, – сдвинув брови и показав кулак, сказала она и вложила в чемодан завёрнутую в несколько слоёв газеты бутылку водки «Путинка». – На самый крайний случай.

Крайний случай наметился уже на третий вечер отдыха. Сосед по столику обратил внимание Васьки на стоявшего возле выхода из зала огромного африканца, не сводившего с них глаз. Васька отмахнулся, мол, парень ищет объект для любовных утех и глазееет на сидящую рядом даму. На следующий вечер новый друг частично согласился с Васькой, но предположил, что не дама, а именно Васька и есть тот самый объект. Васька глянул на африканца внимательно. Тот оскалился, вращая белками, и подмигнул. Васька запаниковал. Он уже наслышан был о всякого рода извращениях и стал серьёзно опасаться за свою в этом смысле честь. Новые его друзья страхи Васькины сочли вполне себе обоснованными: кто его знает, что от этих иностранцев ожидать. Во как живут, с жиру бесятся. Решили в одиночестве Василия не оставлять и для верности вооружиться. Выбрали в лавке за десять долларов (все, какие только были у Васьки деньги) длиннющий нож и посоветовали на ночь класть его под подушку. Но никаких поползновений со стороны африканца не последовало. Он лишь продолжал разглядывать Ваську и время от времени подмигивать. В вечер перед отъездом дошедший до лёгкой истерики «объект» под охраной новых друзей сбегал к себе в номер и принёс бутылку «Путинки». Исключительно для лечебных целей, как заповедала Алевтина. Водку сам разливал, от волнения не заметив подставленный пятый стакан.

– Ви позволяете? – прозвучало откуда-то сверху на русском языке с небольшим акцентом. И стакан исчез в огромной тёмнокожей лапе.

Васька с испугу заглотнул всё содержимое.

– Васья, друг, ты что, меня не узнаёшь? Я – Джамиль.

– Какой ещё, на х...й, Джамиль? – осмелел Васька.

– По ди-иким степям Забайка-а-ля, где зо-о-лото ро-о-ют в горах, – завопил африканец на весь зал. – Помнишь?

– Песню помню, тебя нет.

– Тохда дафай ещё выпьем.

– Извини, у меня полный голяк. Завтра улетаю.

– Не ссы, Васья. Я хозяин этого отеля.

Джамиль вскинул руку, и на столе возникли две бутылки тунисской водки «Буха».

– Подходящее название. Но я не пью, – вспомнил Васька Алевтину.

– А что тут пить? – захохотал Джамиль. – Тохда ми мнохо пили.

– Так, короче, – влил в себя содержимое второго стакана Васька, – рассказывай, когда это тогда. И где?

И Джамиль рассказал. В начале девяностых он в числе других студентов Московского университета дружбы народов отдыхал в летнем лагере на Байкале. В Иркутск на экскурсию по городу приехал автобусом со всей группой. Но засмотрелся, заболтался со студентом-земляком. В общем, оба они отстали и потерялись. Холодно, денег нет, куда идти – не знают. Помнят лишь название лагеря и что ехать до него больше часа. Темнеет. Страшно. Стоят, грустят. И видят: идёт к ним от пивного ларька, что у железнодорожного вокзала, шупленький белокожий парень с тремя кружками пива в руках.

– Ну чё, дружба народов, бухать будем?

И радостно так улыбается, достаёт из кармана бутылку водки и доликает в кружки:

– У нас говорят: водка без пива – деньги на ветер.

Сразу сделалось тепло и весело. Разговорились.

– Не ссы, дружба народов, прорвёмся. Русские своих не бросают.

Вася сбежал к начальнику вокзала, и часа через два появился военный «козелок». До того он ещё куда-то бегал и притащил несколько бутылок водки:

– Это вам с собой для сугрева.

Прощаясь, они долго стояли обнявшись и орал на всю привокзальную площадь: «По ди-иким степям Забайка-а-ля...»

– Вася, – закончил свой рассказ Джамиль, – ты нам много смешил, расказывал про... как это? Анхель-кранител? Как он сейчас?

– Ангел-хранитель, – поправил Джамиля Васька. – Нормально. Дома ждёт, пряник мой. И глянув на водку, добавил: – С кнутом, скорее всего.

Джамиль, Васька и его новые друзья встали в круг, обнялись, сдвинули головы и тихо запели: «По ди-иким степям Забайка-а-ля...»

К ним стали присоединяться туристы из других стран. Васька плохо различал их по национальности. Кажется, это были немцы, поляки, англичане и кто-то ещё.

До самой ночи над плоскими крышами Хаммамета разносилось не слишком стройное, но могучее разноголосье: «По ди-иким степям Забайка-а-ля, где зо-о-лото ро-о-ют в горах...»

Соседи

С легкой руки Димона – соседа по коммунальной квартире, где родился, вырос и, судя по всему, помрет Аркаша Бессер, к нему прилипло прозвище Артист. С самого начала он имел на то полное право, ибо состоял в штате самодеятельного театра, получившего благодаря таланту режиссера не только признание требовательной ленинградской публики, но и звание народного, что предполагало наличие нескольких ставок, в том числе и актёрских. Надо признать, что кое-какими актёрскими способностями Аркаша обладал. Он умел выразительно молчать, позволяя публике любоваться собой. Роли ему давали с минимальным текстом потому, что Аркаша Бессер не только ленился их заучивать, но и сильно грассировал.

К семье Бессеров соседи относились почтительно. Мать Аркаши называли за глаза барыней и в списки по уборке мест общего пользования не включали. Дочь бывшей владелицы квартиры графини Игнатовой в силу несознательного своего возраста и бесстрастного характера к послереволюционному уплотнению отнеслась равнодушно, классовой ненависти к вселившимся не выказывала. Тихо жила в бывшей гостиной, работала кассиром в кинотеатре.

В первые месяцы блокады в её комнате в качестве мужа появился Фима Бессер, работавший на хлебозаводе начальником по снабжению, благодаря чему ей удалось выжить, сохранив чудом избежавшие экспроприации в революционные годы ценные вещи. Ко времени появления на свет Аркаши гостиная была поделена на две комнаты. Тайна второй комнаты, ключи от которой хранились лишь у Ольги Николаевны, нисколько не томившая Аркашу, унаследовавшего мамино бесстрашие, открылась лишь после её смерти. Это позволило Аркаше продолжить существование, не вступая в противоречие со своим характером, главной чертой которого была патологическая лень.

После смерти его родителей все принялись жалеть сироту, которому, надо заметить, на тот момент уже исполнилось сорок. Отродясь не участвовавший в складчинах, после каждого банкета, кои случались в театральном коллективе по поводу и без, Аркаша уходил теперь не просто пьяный и сытый, но и с пакетами, заботливо собранными женщинами из остатков еды и питья. Впрочем, питьё оставалось редко. Актёры, даже самодеятельные, народ рефлектирующий. Пили много.

Начинались девяностые. Страна разваливалась. Верхи нещадно грабили. Низы с талонами в зубах рыскали в поисках колбасы и водки. Не до зрелищ. Аркаша остался без ставки и зрителей. Попробовать попасть в профессиональный театр? Без диплома актёра? Нереально. Да и там всё сыпалось.

Теперь Аркаша выпивал и закусывал дома на вырученные за вещички из тайной комнаты деньги и в компании Димона, разбитного весёлого парня, похожего, как две капли воды, на артиста Баталова. Сказать, что Аркаша был скуп, – ничего не сказать. Но положение безвыходное. У Димона денег вообще никогда нет, в свои под тридцать он всё ещё живёт с мамой, тщетно оберегающей его от женщин и пьянки. Но только Димон может добыть алкоголь. Какие там талоны? Продавщицы всех возрастов млели при одном его появлении и выкладывали всё, что есть, в обмен на признание в любви. И ведь верили, дурёхи. И Ирочка почти поверила. Но об этом потом.

А сейчас вернёмся к Аркаше по кличке Артист. Закрыв за пьяным Димоном дверь своей комнаты, он сел на диван и уставился на висевший прямо перед ним портрет поэта Валерия Брюсова, особого внимания нашего героя до этого исторического момента не привлекавшего. Аркаша задумался... Додумался до того, что если отрастить бородку, станет он похож на поэта. Затем Аркаша обратил взор на заваленный всякой всячиной и покрытый толстым слоем пыли огромный дубовый письменный стол, занимавший чуть ли четверть комнаты. Это

был единственный весомый гешефт, коим его отец, проработавший много лет завхозом, успел разжиться.

Фима Бессер искренне верил в идеалы коммунизма и своевременно умер в самом начале перестройки, не успев свалиться в бездну смятения. Незадолго до того списанный заодно с другой ветхой мебелью стол, подлежащий утилизации, он, испросив разрешения у начальства, самолично приволок, призвав на помощь соседей по квартире. Фима Бессер был честный еврей. Но цену вещам понимал.

Не теряя времени, Аркаша сел за письменный стол и стал писать. Первый его опус выглядел так: «Люблю тебя, поэт мой Брюсов. Люблю твой строгий, стройный вид...»

– Ну чё – поэт, – заключил Димон, пробежав глазами все пять листов творения Аркаши. Мастер по настройке весов был не менее далёк от поэзии, чем автор. Вскоре Аркаша с гордостью объявил, что его приняли в союз писателей. Председатели плодившихся, как тараканы, всевозможных творческих объединений и союзов – в лучшем случае филологи, обученные теориям стихосложения, – вяло делились своими знаниями с аркашами, возомнившими себя поэтами, взамен на членские взносы, которые те им исправно платили. Каждый выживал как мог. Через год Аркадий Бессер стал автором аж двух сборников, изданных им за свои деньги. Правда, мизерными тиражами. Из экономии. Отсутствие читателей его не смущало. Важен был сам факт наличия печатного издания. Об этом он не забывал как бы вскользь упомянуть при каждом новом знакомстве, в особенности с дамами.

На пятом десятке Аркаша был всё ещё холост. Нельзя сказать, что он совсем уж не пользовался успехом у женщин, хотя росточком не вышел и тщедушен был до щемящей жалости. Недавно приобретённый за баснословные деньги длинный кожаный плащ и туфли на толстой подошве этот его недостаток слегка микшировали. Красивой в теле Аркаши была голова. Раскосые тёмно-синего цвета глаза рассеянно, как полагается поэту, взирали из-под надвинутой глубоко на лоб широкополой шляпы. Чёрные, уже с лёгкой проседью волнистые волосы ниспадали на плечи. Аккуратная бородка обрамляла скулы и скрываяла безвольный подбородок. Пухлые губы под чёрными с любовью выстриженными усиками притягивали взгляд.

– Поэт! – увидев его в новом обличе, воскликнул Димон. Но это прозвище не прижилось. Аркаша так и остался Артистом, изображающим поэта.

И Аркаша, и Димон Ирочку разглядели только на поминках её матери. Первым желанием Димона было Ирочку развеселить и только потом, если получится... Стареющий Аркаша сразу решил на Ирочке жениться. Он внимательно оглядел квартиру и уже выбрал комнату, куда был намерен перетащить письменный стол. Оба задались вопросом, почему они Ирочку раньше не замечали.

Назвать Ирочку женщиной язык не поворачивался, хотя годочков было ей уже под сорок. Выглядела она только что входящей в половую зрелость девчонкой. Испытания, выпавшие на долю этой маленькой женщины, каким-то волшебным образом ни морщинкой не проявились на её лице. Лишь в глубине обрамлённых чёрными как смоль густыми ресницами грустных, но всегда готовых к радости зелёных глаз, читалась смертельная усталость.

Ирочкин дедушка был когда-то известным в России профессором истории русской литературы. Мать, вырастившая дочь одна, образование имела неоконченное среднее и много лет трудилась рабочей в типографии. Соседи поговаривали о давней связи юной профессорской дочки с его женатым коллегой, прервавшей образование девочки в связи с появлением на свет в недопустимо раннем возрасте младенца и последовавшей за этим смертью профессора, позора не пережившего.

Жила Ирочка с мамой хоть и в огромной профессорской квартире, но трудно. Ещё школьницей она вынуждена была подрабатывать где придётся. Окончив филологический факультет Ленинградского университета, осталась, как самая талантливая, на кафедре англий-

ской филологии и перевода. Но вскоре вышла замуж и родила сына. Едва закончилось время декретного отпуска, как слегла мама. Маминой пенсии по инвалидности и зарплаты мужа-корректора в издательстве не хватало даже на самое необходимое. Ирочка, чтобы днём ухаживать за мамой и сыном, устроилась дворником. Начинала работать в четыре утра, к восьми уже готовила завтрак семье. Днём подрабатывала переводами. Вечерами мыла подъезды. В середине восьмидесятых объявились родственники мужа по материнской линии, и выяснилось, что он еврей и имеет полное право переселиться на историческую родину.

Врачи прогнозировали Ирочкиной маме несколько месяцев жизни. Ирочка осталась за ней ухаживать, оторвав от себя двоих самых любимых мужчин. Утешением было то, что там им будет спокойнее и сытнее и муж сможет помогать хотя бы лекарством для мамы.

Предполагаемые месяцы затянулись, к изумлению врачей, на годы. Ирочка выбивалась из сил, пытаясь облегчить страдания мамы. Специальные препараты невозможно было достать даже за большие деньги, которых, разумеется, не было. Татьяна Сергеевна страшные боли сносила стоически, не кричала, лишь, оставаясь временами одна, стонала. Всякий раз, глядя, как Ирочка набирает в шприц каким-то чудом добытый морфий, она надеялась, что девочка ошибётся и их мучениям наступит конец. Попросить дочь ввести смертельную дозу она не смела.

Будучи школьницей, Татьяна Сергеевна большую часть свободного времени проводила в отцовской библиотеке и с заповедями божьими знакома была. Не убий – гласила одна из них. Теперь Татьяна Сергеевна была уверена, что муки принимает она в наказание за смерть отца. Просить девочку убить свою мать и тем самым взять грех на себя – нет, она не враг своему ребёнку. Бог смилуется и, возможно, вот-вот заберёт её. Но время шло, боли усиливались и уже не оставляли ни на минуту. Помочь Ирочка могла только одним способом. И она приняла решение. Но об этом не узнает никто, кроме Бога. Если он есть.

Ирочка ещё долго сидела у тела, любуясь чертами родного лица, впервые за много лет не искажённого болью. На губах мамы застыла улыбка, как показалось Ирочке, благодарная. Она позвонила и, в ожидании приезда бригады медиков, взяла из стопки писчей бумаги чистый лист. Подумав немного, вывела всего лишь одну фразу: «Прости меня, Боже, если ты есть». Затем вложила в объёмистую оранжевую папку, где подробно и вдумчиво описывала всё происходившее в эти страшные годы. Не столько в мире видимом, сколько внутри её самой. И тоску по сыну, и любовь к мужу, и надежды на внезапное выздоровление мамы, и отчаяния и снова надежды на скорое воссоединение с семьёй, и потрясение от письма мужа, сообщившего, что он живёт с другой женщиной, но на развод не претендует до тех пор, пока Ирочка не устроит свою жизнь в Израиле, и истории с реальными, а чаще вымышленными героями, и дерзкие мечты зеленоглазой маленькой женщины о счастье.

Поминальный стол соорудили всем подъездом. Соседи сами несли талоны на водку и продукты, а кто-то и деньги. Долго сидели, не столько вспоминая Татьяну Сергеевну, сколько жалея Ирочку.

Димон дождался, когда все разойдутся, и вернулся под предлогом забытого зонтика. Ирочка была рада его возвращению. Ещё во время похорон она обратила внимание на обаятельного светловолосого парня, в ком с трудом узнала недавнего мальчишку из соседней коммунальной квартиры. Сквозь скорбную маску, которую он старательно, но не всегда успешно натягивал на лицо, просвечивала безмятежная радость жизни. А её Ирочке последнее время так не хватало.

Рассмешить Ирочку в тот вечер Димону не удалось. Но проснулись они в одной постели, тесно прижавшись друг к другу. Ирочка уже давно лежала не шевелясь и надыхаться не могла его дыханием.

– Я тебя люблю, – сказал Димон, прощаясь в прихожей долгим-долгим поцелуем в губы. В какой-то момент она открыла глаза и взглянула ему в лицо. Оно выражало блаженство.

И Ирочка почти поверила. В памяти всплыла строка Пушкина: «Ах, обмануть меня не трудно. Я сам обманываться рад!» Ну и пусть, подумала Ирочка, пусть не верное, пусть короткое, пусть греховное, но счастье!

Она ждала его каждый вечер. Но прошла неделя, другая, а он всё не шёл. Наконец раздался долгожданный звонок в дверь. Ирочка с выпрыгивающим сердцем бросилась открывать. На пороге стоял Артист с бутылкой шампанского в руке. Ей сделалось невыносимо тоскливо и захотелось выпить.

– Входи, – сказала она и прошла в гостиную.

Аркаша всё ещё надеялся перетащить стол в профессорскую библиотеку. На болтовню соседей о якобы готовящемся отъезде Ирочки к мужу внимания не обращал. Зачем ей Израиль, если рядом есть он, поэт Аркадий Бессер. Не теряя времени, он приступил к обольщению.

– На заседаниях союза писателей, членом которого я, как ты знаешь, я являюсь, мы иногда пишем экспромты. Давай попробуем. Ты, конечно, не поэт, но я тебе помогу.

Ирочка сама открыла бутылку, наполнила бокал и залпом выпила:

– А-а-а, – махнула она рукой, – давай попробуем.

Аркаша выдал заготовленный дома «экспромт»:

– Задуй свечу и прислонись ко мне.

Не говори, что истина в вине.

Что ты одна, то не вина,

Но ты не выпита до дна...

И в том же духе ещё строк десять, смысл которых сводился к тому, что Ирочке следует немедленно и навсегда пасть в его объятия. По мере того как он читал, она, никогда стихов не писавшая, но воспитанная на лучших образцах русской и зарубежной поэзии, приходила в бешенство. Осушив ещё один бокал, вышла из комнаты, но вскоре вернулась с карандашом и листом бумаги. Не отрываясь, написала и прочла:

– Не зажигая, не погасишь свечи.

А если прислонюсь, то лишь к стене.

И в этот серый скучный вечер

И не мечтай ты даже обо мне.

Хоть у тебя улыбка Аполлона,

И щедростью себя ты превзошёл,

Прости, мой друг, но я люблю Димона,

Хоть он сегодня снова не пришёл.

С видом непризнанного гения Аркаша резво встал и собрался уходить:

– А Димон, да будет тебе известно, надушенный и наряженный, ушёл со своей мамашей к Ленке свататься. Свадьба у него скоро. Женится он на молоденькой девчонке с квартирой на Крестовском острове и с машиной. Иномаркой, между прочим.

Схватив со стола бутылку с недопитым шампанским, направился в прихожую.

– Аркадий, задержись ещё на минутку, – мягко попросила Ирочка и, взяв листок со своим экспромтом, дописала:

Он спирт пил, водку и «Агдам»,

Душою был любых попоек,

Лихой хватчик разных коек,

Наивных девственниц и искушённых дам.

Расписалась, поставила дату и протянула Аркаше:

– Передай невесте Димона. Это эпитафия. Можно на памятник. Надеюсь, не скоро пригодится.

Прошло десять лет. Димон примерно-показательно жил в браке с молодой женой и сыном. Он даже бросил пить. Почти. Аркаша, продолжая проедать сокровища тайной комнаты, по-прежнему, а пожалуй даже ещё убедительнее, исполнял роль поэта. Исключительно с этой целью он зашёл в Дом книги, что на Невском проспекте, и, просматривая с умным видом новинки, наткнулся на солидное издание. Имя автора показалось ему знакомым. На обратной стороне обложки узнал лицо Ирочки. Трижды переизданный солидными тиражами и переведённый на несколько языков роман «Оранжевая папка». Он повертел книгу в руках, прочёл несколько страниц, наткнулся на главу «Соседи», узнал в ней себя и Димона и вернул книгу на полку. Не сразу, а так, между прочим, при встрече сообщил бывшему соседу о неожиданной находке. Димон блаженно улыбнулся:

– Если б ты только знал, какая она
сладкая.

Но к книге никакого интереса не проявил.

Такая Ирочка им была совсем не
интересна.

Покаяние

Необходимости так рано вставать не было никакой. Монастырские ждали Лизу не раньше двух часов дня. Она наконец напросилась на встречу.

Когда возникавшее в последние годы настойчивое желание отыскать своих институтских оказалось легко осуществимым благодаря незаконной торговле в электричках дисками с адресной базой, Лиза вспомнила только одну фамилию. Решение проблемы заняло не более пяти минут. По первому из выбранных номеров ей ответил знакомый мужской голос. На вопрос, может ли она поговорить с Монастырским Александром, голос отреагировал мгновенно: «Лизка, Елизарова, привет, а мы тебя потеряли». Наташа, казалось, была тоже искренне рада. Тем не менее времени для встречи они не находили несколько лет.

Во снах, которые радовали больше и чаще, чем реальность, Лиза отыскивала спутников своей юности в лабиринтах то тесных, то просторных комнат и, освобождённая спящим мозгом от памяти прожитых лет, ощущала себя юной, полной радостных ожиданий первокурсницей. Она снова ловила на себе заинтересованные взгляды парней, и Саши Монастырского в том числе. И приветливо отвечала на них.

Совсем не так, как много лет назад, в реальной жизни. Тогда она высокомерно отвергала всех. Как же унижительно для выпускников ленинградских физико-математических школ было видеть провинциальную девчонку, способную слёту решать непосильные для них задачи. Да ещё и презрительно насмехавшуюся над ними. Не случилось у неё и дружбы с соседками по комнате. Ни с яркой, стремительной, лёгкой Олечкой Семёновой, ни со скромной, тихой и всегда грустной Наташей Уваровой. Они словно сторонились её. Впрочем, Олечка очень скоро вышла замуж за ленинградца и переехала к нему на Васильевский. Вслед за ней и Наташа, осиротевшая ещё в раннем детстве, стала полноправным членом семьи Монастырских и переехала на Новаторов в квартиру, состоящую из четырёх крохотных клетушек.

Вот в этой пропахшей табачным дымом квартирке, «однокомнатной, улучшенной планировки», как пренебрежительно называла её прежде Лиза, и проходили многочисленные вечеринки по случаю и без случая, чаще в единодушном отклике на чей-нибудь призыв «по рублю и в школу не пойдём». А по окончании института сюда приезжали с радостями, с бедами и просто чтобы повидаться все, кроме Лизы. Она как-то в раз потерялась. Впрочем, никто особенно и не пытался её отыскать.

Уже в метро Лиза вдруг понимает, что видит мир и себя в нём не так, как вчера, а глазами той, существующей только в прошлом, юной студентки. Её смущает, что монументальное величие внутреннего декора метро опошлено многочисленными рекламными щитами, бесстыдно выставяющими на всеобщее обозрение прокладки и беременных женщин в нижнем белье. Бездарные слоганы, которые автоматически считывает глаз, ввергают в тоску. Из динамиков прямо в сердце ржавым голосом вбивается страх: «...участились несчастные случаи...», «...вид транспорта повышенной опасности...» Приятно видеть множество красивых ухоженных лиц, каких прежде наблюдать возможно было лишь по другую сторону экрана. Но взгляды! Потухшие. Или устремлённые в гаджеты. Очень много женщин. И молодых, и пожилых. Где же мужчины? Должно быть, менее удачливые или слабые духом вымерли в девяностые. Сумевшие выжить передвигаются на машинах, демонстрируя успешность.

Лиза выходит на станции «Ленинский проспект». Надо же, Ленин давно объявлен злодеем, а проспект по-прежнему носит его имя. Но как всё вокруг изменилось! Машины, машины, машины. И магазины, магазины, магазины. В этот надо зайти. Огромный супермаркет, переполненный товарами. И это чудо! Никакого дефицита. Главное чудо – продавцы. Они утратили былую надменность и неприступность, не хамят, а напротив, внимательны и преду-

предительны. Лиза набирает полную сетку всяких вкусностей, несколько бутылок дорогого вина. И долго выбирает водку. Для Саши и его родителей, коренных ленинградцев, фронтовика и блокадницы, всегда радушно встречавших гостей сына. Лучшую. Литровую. Подарочный вариант.

... Через путаницу пятиэтажных хрущёвок, усиливающих ощущение сдвига во времени, ноги сами ведут к заветному дому. В нетерпеливом возбуждении она поднимает глаза к окнам квартиры с надеждой увидеть за весёлым поблескиванием стёкол приветственные жесты друзей. Но взгляд натывается на толстые металлические решётки, за которыми не возможно различить даже цвет штор. Ясно только, что они плотно задёрнуты. Вместо гостеприимно распахнутой деревянной двери её встречает запертая металлическая, ехидно поблескивающая кнопками кодового замка. Лиза беспомощно застывает перед кажущейся непреодолимой преградой. Исполнивший хабанеру мобильный телефон возвращает её в реальность. Наташа называет код двери. И вот Лиза наконец входит в зовущую память юных лет и, о чудо, сохранившую прежние запахи прихожую. Зажмурив глаза, она с наслаждением вслушивается в знакомые голоса. Те же тембры, те же интонации:

– При-и-вет, Ли-и-зка Ели-и-зарова, ну проходи-и.

Следы времени на знакомых лицах не делают их неузнаваемыми и заметны лишь в первые мгновения. Перед ней прежние Саша и Наташа. Ну разве что немного располневшие. Та же крохотная гостиная. Та же, но потёртая временем мебель. Тот же, но уже истоптанный до дыр ковёр. За столом, как и прежде, обильно накрытым, ещё одна пара. Наташа представляет: родители жены сына. Бывшей жены. Как это по-Монастырски. Однажды попав в этот дом, покинуть его навсегда не каждому хватит сил. И сюрприз! Олечка! Прилетела в гости из Швеции, где счастливо живёт вместе с мужем в семье дочери. Помогает воспитывать внуков. Саша и Наташа поочередно рассказывают о себе. Ровная жизнь, Саша по-прежнему на кафедре с мизерным окладом. Наука нынче не в почёте. Родители переехали в другую квартиру. Наташа сменила профессию. Теперь она бухгалтер. Главный. Это и помогает как-то выжить.

– А ты как? – из уст Наташи вопрос звучит риторически. Она отчего-то уверена, что у Елизаровой всё отлично. Разглядывая Лизу и принесённый ею пакет, сама же отвечает: – Вижу. Всё та же гордая красавица. В достатке, – и вполне искренне добавляет: – Я рада за тебя.

Лишь после нескольких бокалов вина и настойчивой просьбы Олечки наконец рассказать, как она жила эти годы, Лиза решается:

– Доченьке сейчас было бы тридцать лет. Убита при ограблении. Сын прожил двадцать лет. И двадцать лет тяжело болел. Последствие менингита. Их отец – вы его знали, физтех окончил с отличием – бросил нас, когда мальчику не было и двух. Сейчас – сам овощ. После аварии. Помогаю ему, чем могу. Живу одна. Спасает работа. Пока держусь. Но, кажется, из последних сил. Сердце.

Все молчат. Наташа закрыла лицо ладонями. Саша задумчиво крутит двумя пальцами рюмку. В глазах Олечки застыло безмерное удивление:

– Как вообще это можно вынести?! За что?! Ты же никому ничего плохого не сделала.

– Карму изживаю, должно быть, – виновато улыбнувшись, совсем тихо произносит Лиза.

И снова повисает молчание. Все словно оцепенели. Принятая ими прямо в сердце тяжесть её горя – неподъёмна. Видимо, мне не стоило быть столь откровенной, думает Лиза. Но говорить неправду она не умеет, даже тогда, когда следовало бы. И после долгой тягостной паузы будто в утешение присутствующим и в оправдание себе начинает читать по памяти ровным, бесстрастным голосом:

– Не бывает много, не бывает мало. В мальчике убогом я себя узнала. Только чашу с ядом, Господи, прости, выпить, как бы надо, не нашла я сил. Не бывает поздно, не бывает рано. Вновь напиток роздан, кровоточит рана. Девочка сокрыта, кто провёл между? Это я убита, на полу лежу. Мирозданья гула не вмещает слух. Это я распнула свой высокий дух. Это я во мраке бед

своих брожу. Родовую накипь кровью вывожу. Постигаю Адам тайны бытия. Веруя, наградой мне судьба моя.

На этот раз горестное молчание, длящееся уже несколько минут, прерывает Саша. Приложив обе руки к груди и глядя куда-то вдаль, он сдавленным голосом говорит:

– Я должен признаться, Лиза, что я тебя, ну как бы сказать, ну не очень любил, что ли. Не очень хотел с тобой общаться. Мы все... не очень. Ты казалась нам... Но ты другая.

– Теперь другая, – горько усмехнулась Лиза.

– Ты приходи к нам в любое время, – он смахнул с уголков водянисто-голубых глаз слезы, наполнил стакан вином и протянул через стол Лизе.

Лиза подумала, что вот сейчас убеждённый атеист Саша Монастырский, исполнив роль наместника Божьего на земле, отпустил ей тягчайший грех. Грех гордыни. Должно быть, для этого она сюда и рвалась.

– Лиза, – сказала Наташа, – ты знай, мы рядом.

– Да, Лизонька, мы с тобой, – Ольга обняла её.

Лиза выпила полный стакан мартини, закусила холодцом с хреном и с облегчённой, как после покаяния и причащения Святых Тайн, душой отправилась осуществлять жизнь. Сколько осталось.

Надоба

После распада СССР бывших учеников русской средней школы молдавского городка Унгены разбросало по всему свету. Большая часть класса, состоящая из представителей народа, давшего человечеству Христа, вновь последовала призыву Моисея. Осуществив исход, до земли обетованной добрались, правда, не все. Кого-то прельстила Европа, а кого-то занесло аж в Америку. Представители народов, почитающих Христа как Бога, смиренно пожинали плоды перестройки в постсоветских республиках.

И вдруг по не распознанному никем сакральному призыву, не стовариваясь, слетелись из дальних стран на родину человек десять одновременно. Кое-кто из живущих поблизости, узнав о таком чуде, подтянулся. С годами зов возраставшей тебя земли всё настойчивее ошутим, подумала Рита.

Расселись, сдвинув столы в кафе «Патрия», что в переводе на русский означает Родина. На открытом воздухе, в сладком аромате цветущих лип. Каждый с мыслью, как же сильно ребята постарели. Но очень скоро все превратились в глазах друг друга в прежних мальчишек и девчонок. Решили поочерёдно рассказать о себе.

– Наша жизнь состоялась и имеет смысл. Мы хорошо стоим. Имеем большую квартиру, хорошую машину. Мы можем позволить себе путешествовать по всему свету. После нас останутся двое детей и двенадцать внуков, – сказал Ромик.

Он прибыл из Израиля вместе с люто ненавидимой в школьные годы соседкой по парте, а теперь по-учительски строгой к нему женой Райкой. Они сидели, вальяжно откинувшись на спинки стульев, упитанные до округлостей, самодовольные, гордые своими жизненными достижениями. Ромик, вскинув голову, с видом победителя смотрел на Риту. Она подумала, что отцу раввина неплохо хотя бы тезисно ознакомиться с Торой. Тогда бы он знал, что с её помощью «Бог оберегает человека от опасностей гордости, предвзятости и наслаждения материальным миром». Но вступать в дискуссию не стала. Ей было любопытно, что скажут другие.

Желчный Женька, не желая накалять обстановку, пробубнил себе под нос:

– Дважды обронить семя – не велика заслуга, было бы чем гордиться.

Его жена детей принципиально не хотела. И он, бедняга, всю жизнь предохранялся. Оторвался, только когда стал таксовать по ночному Кишинёву.

– Девчонок красивых пруд пруди, – похотливо улыбнувшись, сказал он.

Ромик посмотрел на него с завистью.

До переезда в Америку воинствующий атеист Мишаня, а после – читающий то Библию в протестантском исполнении, то, на всякий случай, Тору, Майкл-Мойша, словно извиняясь, но не без самодовольства объявил, что живёт богато: имеет свой магазин на Брайтон-Бич, личную квартиру и несколько машин.

– Бог отнял у меня сына, но есть дочь и пятеро внуков, поэтому я тоже могу сказать, что моя жизнь состоялась и имеет смысл.

– О воздух родины, я, твоё маленькое деревце, наклоняюсь и целую тебя, – вдруг с пафосом прочла отрывок из стихотворения Аурелиу Бусуйок прежде не замеченная в любви к поэзии когда-то огненно рыжая дородная Сура. Наклониться она уже, конечно, не могла, страдала неизлечимой суставной болезнью. На бледном лице огнём горели всё те же веснушки, теперь в ореоле не поддающихся окраске после курса химиотерапии седых волос. Она не верила, что скоро умрёт, и пояснила почему:

– Я нужна детям, внукам и мужу. К тому же в Израиле лучшие в мире врачи.

– Дай Бог, дай Бог, – раздалось со всех сторон.

– Бога нет, – сказал Ромик.

Рита понадеялась, что ляпнул он это не от жестокосердия. Атеист до первой тряски в самолёте. Жизнь прожил ровную, комфортную. Она искренне рада за него. Мальчиком Ромик был милым и добрым. Они вместе приехали в Ленинград поступать в институт. Риту приняли, а его – нет. Он объяснял это антисемитизмом. Но Рита знала, что Ромику попросту не хватило одного балла.

– И чем ты тогда отличаешься от животного, если смысл жизни видишь лишь в размножении?

Вопрос был риторический. Удивительно, что задала его Аня. Рита помнила её скромной стеснительной девочкой. Каждый день, ранним утром, задолго до начала занятий Аня приезжала на дизельном поезде и возвращалась им же поздним вечером. В селе, где она жила, была молдавская школа, но родители решили, что обучение в русской расширяет перспективы дочери на будущее. В годы распада СССР Аня сделалась убеждённым борцом за *libertate i independen Ț*. Вместе с сыновьями-подростками выкрикивала: «Русские, чемодан – вокзал – Россия!» Теперь её дети рады самой чёрной работе на стройках Москвы и Санкт-Петербурга, получившую *independent Ț* Молдову грабят прорумынские ставленники, а она, имея высшее образование, ухаживает за престарелой сеньорой в заброшенной итальянской деревушке. За двадцать лет Аня заработала достаточно, чтобы остаток жизни безбедно жить на родине. Платят теперь в связи с кризисом в Италии почти ничего, но она не может покинуть привязавшуюся к ней беспомощную старушку. Из жалости.

Дошла очередь до Ванечки. В детстве он был пухлым синеглазым мальчиком с удивительно густыми и длинными ресницами. Учился Ванечка так себе. Его родители, этнические молдаване, занимали в городе высокие партийные посты. Во времена Советского Союза Ванечка преданно служил родине на севере России и дослужился до полковника КГБ. О смысле своей теперешней жизни он профессионально умалчал, сообщил лишь, что живёт в Молдове спокойно и сытно, так как получает сразу две пенсии. Рита предположила, имея какое-то время его в друзьях на одном из сайтов, что смыслом своей жизни теперь он полагает служение совсем другим силам, называя русских агрессорами и оккупантами. Но российскую пенсию получает без зазрения совести.

Пышущая здоровьем, элегантно одетая Лялька, закинув ногу на ногу, свысока оглядывала бывших одноклассниц, живущих в постсоветском пространстве, неухоженных, по большей части в нарядах из магазинов сэконд-хэнд. Рюмку за рюмкой глотала коньяк, запивала вином и поглощала мамалыгу со свиной с завидным аппетитом. Как и в школьные годы, капризно надувала губки и жаловалась на здоровье. И на мужей. Их у неё поочерёдно было целых шесть: два российских «мудака», четыре норвежских «непуганых оленя». И все как один – «гондоны» и «импотенты». Но в итоге длительных боёв и разделов имущества, по её же словам, светлое будущее в самой социально защищённой стране ей обеспечено. А о смысле этой самой жизни она не думала.

Мягкий, ко всему и всем доброжелательный Геночка весь вечер сидел, понуро свесив усы. Смыслом своей жизни он полагал создание англо-русского словаря, над которым кропотливо трудился, нередко пренебрегая благополучием семьи. Три предыдущие жены сбежали, а четвёртая – умница Зиночка, хоть и моложе на двадцать лет, увлечённость его разделяет.

– Мне сейчас необходимо где-то добыть тысячу евро на приобретение специальной компьютерной программы для словаря. Тогда я смог бы наконец закончить многолетний труд. Последние годы в Молдове совсем нет работы для переводчика, – сказал он, окинув просящим взглядом более- менее благополучных одноклассников. На Ромике и Клавке споткнулся и отвёл взгляд. Рита знала, что лет пять назад, оказавшись по работе в Израиле, он был вынужден попросить у них в долг десять долларов. Заказчик не успел перевести на карту деньги, и ему немного не хватило на обратную дорогу. Клава сказала, что дать не может. У них, мол, всё рассчитано.

Лена, в школьные годы самая близкая Ритина подруга, относилась к тем немногим, кто после окончания института вернулся навсегда в родной городок. На жизнь не жаловалась. Но Рита знала, что пришлось ей ой как нелегко. О своих достижениях распространяться не стала. Отшутилась, мол, всю жизнь подтверждала на опыте концепцию Шопенгауэра о смысле существования человека как о постоянной борьбе со смертью. А коль жива, улыбнулась она, то можно сказать – жизнь состоялась.

С большим опозданием, лишь после окончания вечерней службы, подошла сухонькая старушка. Поздоровалась до боли знакомым голоском. Уселась, склонив голову в белом ситцевом платке. Прежде чем взять приборы в руки, прочла «Отче наш», несколько раз перекрестилась, рюмку от себя отстранила. Господи, невольно помянула всеу господу Рита, неужели это Олечка. Секретарь комсомольской организации школы, здоровая, румяная, энергичная, фанатично преданная идеалам коммунизма, полная радостных надежд на светлое будущее всего человечества, лучшая спортсменка школы Олечка?! «На всё воля Божья, всё в руках Божьих, Господь управил, слава Господу». Помимо бесконечного повторения этих фраз и настойчивых требований всем «прийти к Богу», наконец поведала, что «Бог управил её детям жить в Швеции, а сильно пьющий муж, царствие ему небесное и слава Господу, помер». И что смысл её жизни в подготовке через молитвы и покаяния к вечной жизни. Фанатизм – это неизлечимо, подумала Рита, но благодному состоянию души Олечки позавидовала.

Ещё несколько человек, поочерёдно поведав свой жизненный путь, уютно вместились в привитое с детства представление о счастье: квартира, машина, жена (муж), дети – свою жизнь тоже сочли состоявшейся и полной (чем больше внуков, тем полнее) смысла.

Когда Рита, болезненно худая и потерянная, чей вид отнюдь не вызывал былой зависти у одноклассниц, коротко сообщила, что живет одна в Питере, детей нет, постоянной работы тоже, присутствующие не поверили своим ушам.

– Так случилось, – не вдаваясь в объяснения, ответила она на чей-то вопрос, мол, как же так, мы надеялись увидеть тебя по меньшей мере министром.

– Не повезло, – милостиво заключила прежде ухитрявшаяся делать в одном слове по три ошибки, а теперь хозяйка процветающего московского издательства Милочка, оплывшая и с огромными мешками под глазами. Однажды и навсегда уверовавшая, что неотразима, она безбожно кокетничала со всеми, включая подошедшего с подносом молоденького официанта, при этом изящно, по её мнению, размахивая руками, униженными кольцами и браслетами.

– Не везёт, – с сочувствием добавил сторонний мужской голос, когда слетевшая с подноса чашка с горячим чаем опрокинулась в аккурат на Ритино обнажённое плечо.

С полминуты все ошалело молчали, не двигаясь с мест, потрясённые не столько случившимся с Ритой, сколько материализацией самой легендарной личности из их далёкого детства. Первой пришла в себя Лена:

– Спокойно! – рявкнула она так, что дорвавшийся в отсутствие жены до водки циррозный Юрик уронил уже было поднесённый ко рту стакан. Не обращая внимания на звон разбившейся посуды, Лена быстро извлекла из объёмной сумки мазь «Спасатель» и обработала ожог. Будучи с детских лет девочкой болезненной, она всегда носила с собой целую аптечку. Опомнившись, одноклассники с забытой резвостью юных лет повскакивали с мест, зашумели, засуетились. Кто-то бегал в поисках стула для вновь прибывшего, кто-то яростно дул на покрасневшее Ритино плечо. От такой заботы Рита прослезилась. Даже Лялька, увидев её слёзы, оторвалась от тарелки и потребовала вызвать машину скорой помощи. И снова Лена командным тоном, который она приобрела за многолетнюю службу большим начальником, заявила, что, коль скоро волдыря нет, всё обойдётся, и восстановила исходное состояние благодушной радости. И наконец обратила свой взор на уже сидящего во главе стола Давида.

– Надо же, Гольден! Какими судьбами? – как и все, она смотрела на него с нескрываемым пиететом.

– Потом расскажу, – он был мрачен и явно подавлен.

– У Давида мама умерла. Неделю назад, – со скорбной улыбкой сообщила всё знающая Маричика, с детства проявлявшая болезненный интерес к похоронам. Она уже было начала вдохновенно излагать в мельчайших подробностях, во что была одета покойная, как заретуширована, кто и с каким лицом стоял у гроба и т. д. Но все, дружно зашикав, её остановили.

Давид окончил ту же школу, но на три года раньше. Рита не очень хорошо помнила, как он тогда выглядел, потому, наверное, что не решалась смотреть на взрослого и очень серьёзного парня дольше секунды. Он был для неё чем-то вроде верховного божества, обитавшего на горе Олимп. Недосыгаем и грозен, ни дать ни взять Зевс-громовержец. Его фамилию она слышала по много раз на дню. И учителя, и ученики, а чаще ученицы, поголовно в Давида влюблённые, с восторгом произносили его фамилию, вкусно катая во рту: Гольден.

Рита разглядывала Давида, не чувствуя былого смущения. Разница в возрасте больше не казалась ей огромной пропастью. Она даже не сразу заметила залысины на его крупном черепе. Богатырские плечи. Слегка расплывшаяся, но всё ещё стройная фигура. Те же идеально правильные черты лица. Суровый, пронизывающий взгляд. А что, если он очередное воплощения иудейского царя Давида, думала Рита. Всё сходится: белокур, красив, румян, красноречив. Интересно, как насчёт лир и Вирсавии? Надеюсь, это не он послал первого мужа своей Розочки на смерть, дабы взять её в жёны.

После его короткого рассказа о жене, детях и о правильной стране Германии Рита подумала, что и у Давида жизнь состоялась и имеет смысл, если следовать Ромкиным представлениям.

Только у неё – нет. Живёт в коммунальной квартире. Больше двадцати лет никуда из Питера не выезжала. И со смыслом непонятно. Был ли? Есть ли? Не проглядывается. Единственный сынок, долгожданный, самое дорогое, что у неё было, погиб в Чечне, не успев оставить внуков. Первая любовь, всё затмившая, мучительная, бестолковая, отнявшая лучшие годы жизни и разрушившая её, – муж. Он, лишённый каких-либо моральных качеств, ожидаемо предал в самую страшную минуту. От новых отношений бежала, погружая себя в вакуум одиночества. Профессиональная жизнь изломана перестройкой. Тупо выживала. Спасаясь от подступавшего безумия, пыталась писать какие-то стихи, рассказы. Но кому это надо? И вот не распознанная врачами болезнь, доведшая практически до анорексии. Рита сегодняшняя антипод Рите, какой её помнили одноклассники. И скоро умрёт, потому что никому уже в этом мире не нужна. Приехала по настоятельной просьбе Лены, отыскавшей вдруг её на просторах Интернета. Приехала, только чтобы поклониться последний раз могилам родителей. И вот встреча с одноклассниками. Неожиданная и, в общем, нежелательная.

– Значит так, подружка, – сказала ей Лена, когда все разошлись и за столом остались только они вдвоём и вернувшийся вдруг Давид. Во-первых, жить останешься у меня до тех пор, пока я не увижу, что тебе стало лучше. Питаться будем только натуральными продуктами, как у нас говорят, от земли – заметь, родной. Денег хватит. Мне сыновья помогают. Во-вторых, на понедельник я договорилась с врачом. Он мой друг, прошёл Афганистан, в своём деле бог. Я умереть тебе не дам. Ишь чего надумала. Никому она не нужна! Мне нужна. В-третьих, смыслом жизнь самой надо наполнять. И никто это за тебя не сделает. Ты же у нас умная.

– И в-четвёртых, все великие умы бились над вопросом о смысле жизни, – вступил в разговор Давид. – И у каждого он оказывался свой. Общее – превосходство духа над плотью. Что таким, как Ромик, пока неизвестно. Я помню тебя школьницей. Только в моём классе в тебя многие пацаны были влюблены, хотя первой красавицей считалась ваша Милка. Превосходство духа!

Они до полуночи бродили по улицам родного городка. Прощаясь, Давид прижал её к себе и долго не отпускал, словно хотел напитать своей жизненной силой:

– Проводишь меня завтра до аэропорта? Женька на машине отвезёт, с ним же и вернёшься.

Рита кивнула.

Из письма Давида к Рите:

Жива, слава богу. Весь этот месяц по возвращении в Германию я думал о тебе. О том, что ты обладаешь редкостным свойством. Перетерпеть многое и остаться... нет, не прежней, сделаться ещё светлее. Я понял это по дороге в аэропорт, когда ты рассказывала о своей жизни. Позже прочёл это в твоих стихах. Изумительные ясность, открытость, душевная нежность, душевная честность, душевная щедрость, никакой слащавости или надуманной сентиментальности, ни намёка на фальшь или искусственность. Нигде. Ни в единой запятой. И я почувствовал радость и гордость за тебя. За возможность к этому твоему свету прикоснуться.

Из письма Риты к Давиду:

Прости. Я даже не надеялась, что кто-то ждёт моего письма. Ты знаешь, Давид, моё ощущение от поездки в Молдову точнее и объёмнее всего можно определить одним словом – Любовь. За много лет до и теперь после я ничего подобного не испытывала, словно жила в сером мареве пустоты. Так, согласно «Книге мёртвых», чувствуют себя неприкаянные души в посмертии, пока им определяется место на небесах. И вот на целый месяц меня впустили в Рай. А Рай и Любовь синонимы. Мне не хочется анализировать, подключая рассудок, что именно так на меня повлияло: воздух ли родины, возвращение в детство, встречи с людьми, любовь к которым, оказывается, жила внутри меня всегда (ведь истинная любовь бессмертна), чистота и искренность окруживших меня людей... Наверное, всё вместе. И ещё кое-что. Я ощутила родство наших с тобой душ, немного удивившись этому. А потом вспомнила, что девочкой была в тебя влюблена, даже не мечтая о земных отношениях, так любят богов с Олимпа. Отсюда и родство. Детская душа, ещё не затуманенная предрассудками, безошибочно находит «своих»... и удерживает в поле своего притяжения. И с Леной, и с ребятами мы годами не общались на земном плане, а притяжение, как оказалось, осталось. Лена за годы упорной борьбы со смертельной болезнью приобрела в дополнение к врождённому уму ещё и мудрость, граничащую с мистической прозорливостью. Она безошибочно поставила мне диагноз ещё до моего приезда. И приступила к лечению, пригласив приехать на родину. Она подняла все свои связи, показала лучшим врачам. И её диагноз подтвердился. Психосоматика. Человек, не видя смысла и цели жизни, оказавшись во враждебной среде этого мира без подушки безопасности, сотканной из энергии любви, бессознательно начинает разрушать собственное тело. Знаешь, я думаю, что исцеление началось уже в аэропорту, когда я увидела неожиданно для себя наших ребят с букетами цветов, с искренней радостью в глазах. Постаревшие, но такие родные. Роднее в этом мире никого не осталось. И вот теперь ты. Одной первой фразы твоего письма: «Жива, слава богу» было бы достаточно. Ко мне возвращается чувство надобы. Если ты и в дальнейшем будешь мне писать, это меня здорово поддержит.

Из письма Давида к Рите:

Я послал тебе посылку с шоколадом. Лена сказала, что шоколад с какао выше семидесяти процентов тебе необходим. И кофе.

Из письма Риты к Давиду:

Давид, милый, ты даже не представляешь, как я тебе благодарна. Не только, скорее не столько за возможность съесть настоящий шоколад и выпить отличный кофе, сколько за проявленное ко мне внимание. Я не знаю твоего отношения к вере и к религии. Одно ведь не подразумевает другое? Ты помнишь Олечку? Она всегда была добрейшей души человечком и сей-

час проявила настойчивую заботу. Я не могла отказать ей и всё время, пока была в Молдове, посещала церковь. Даже исповедалась и причастилась. Верить, как верит Олечка, – это счастье. Я же всё подвергаю анализу, пытаюсь объяснить и понять. Кстати, в Библии нахожу ответы на многие мучившие меня вопросы. И... ты не поверишь, испытываю огромную потребность в покаянии.

Из письма Давида к Рите:

Что касается веры и религии. Постараюсь изложить коротко. Я признаю наличие духовной реальности. Т.е. я уже не атеист в чистом виде. Является ли она безличной – карма, «тонкая материя» или личностной – Бог? Я думаю и я чувствую – и да и нет. Ты знаешь, что существуют понятия политеизма и монотеизма. Опять же по моим ощущениям – и то и другое. Мир многослоен и неоднозначен. Из трёх основных монотеистических религий генетически мне ближе иудаизм. Но меня бесят его адепты, всерьёз спорящие о том, можно ли в субботу нажимать на кнопку в лифте. Не является ли это работой? Я знаком с исламом. Читал Новый завет. Понимаешь, нравственные законы во всех религиях одни. Исполни и живи. Слушай своё внутреннее Я. Чувствуешь потребность в покаянии – кайся. Я иногда захожу в храмы. Любуюсь убранством, фресками, слушаю псалмы. Под звуки органа словно возношусь над собственным телом. Но торговля в храме, вызвавшая гнев у Христа, и вид сильно упитанных священников напоминает мне, что церковь – это коммерческая организация, стремящаяся к власти над людьми. Да, вот ещё. У меня в гостях был родственник из Америки. Он привёз кое-что. Я положу тебе на карту. Прими как помощь от высших сил, проявленную через Мишаню-Мойшу-Майкла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.